

Р. Ф. Итс. Этническая история юга Восточной Азии. Л., 1972, 306 стр.

Основное содержание книги Р. Ф. Итса — история формирования и расселения народов мяо, ицзу и чжуан, которые составляют основную часть аборигенного населения Южного Китая, а также в виде отдельных групп и ответвлений, существенную часть этнического состава сопредельных областей Северного Индокитая. По существу же в книге рассматриваются основные вопросы общей этнической истории народов, принадлежащих к лингвистическим семьям мяо-яо, тибето-бирманской и тайской, а отчасти и мон-кхмерской и малайско-полинезийской. Юг Китая и север Индокитая принадлежат к числу наиболее сложных, пестрых и мозаичных по своему этническому составу районов мира. Народы названных семей расселены на этой территории в настоящее время чрезвычайно чересполосно. Внести ясность в проблему локализации первоначальных районов расселения этих народов, в картину их распространения — значит решить одну из ключевых проблем этнической истории всей Восточной и Юго-Восточной Азии. И надо сказать, что в целом эта трудная задача решена исследователем успешно.

Книга Р. Ф. Итса представляет собой результат большой, очень трудоемкой работы по сведению воедино, анализу и осмыслению обильных, но очень фрагментарных, зачастую противоречивых источников, разбросанных по многим, нередко труднодоступным изданиям, в основном на китайском языке. Прежде всего сюда входят традиционные в Китае сведения, неоднократно комментированные и толкованные в научной литературе сведения о туземных народах. Эти сведения содержатся в официальных китайских династийных исторических хрониках, а также в сочинениях многочисленных китайских древних и средневековых авторов. Автор привлек также материалы более позднего происхождения — записи фольклорных преданий самих изучаемых народов. И наконец, последний по счету, но не по важности вид использованных источников — археологические материалы, ставшие многочисленными лишь в самое недавнее время.

Уже одно то, что все эти в основной своей массе малоизвестные за пределами узкого круга археологов-китаеведов материалы собраны воедино и сделаны достоянием широкого круга читателей, представляет большую заслугу автора. Но книга Р. Ф. Итса отнюдь не просто справочное пособие, а глубокое научное исследование, на страницах которого ведется дискуссия с учеными, уже обращавшимися к этому материалу, и в ходе ее аргументируется собственная научная концепция автора.

Если в более ранних своих трудах Р. Ф. Итс придерживался этнолингвистической классификации Фу Мао-цзи и Ло Чан-пэя, включавших языки мяо-яо и чжуан-тун (тайские) в китайско-тибетскую семью языков, то в данной работе он солидаризируется с хорошо аргументированными выводами С. Е. Яхонтова, который считает возможным объединить все языковые семьи Восточной Азии в две большие языковые надсемьи — китайско-тибетскую (с китайской, гималайской и тибето-бирманской ветвями, к последней ветви относятся и языки народов группы ицзу) и аустрическую, которая к началу III тысячелетия до н. э. разошлась на ветви индонезийскую (или малайско-полинезийскую), дун-тайскую, мон-кхмерскую (включающую вьетские языки) и мяо-яо. Таким образом, за вычетом народов группы ицзу, а также, разумеется, собственно китайцев (ханьцев), все рассматриваемые Р. Ф. Итсом этнические общности в конечном счете являются, бесспорно, родственными между собой. Однако уже во II тысячелетии до н. э. (наиболее раннем времени, для которого на основании археологических данных можно выделять какие-то предположительные этнические ареалы) эти основные праобщности, т. е. индонезийская, тайская, мон-кхмерская и мяо-яоская, должны уже были сформироваться.

Во введении излагаются эти исходные позиции автора, а также дается обзор основных существующих к настоящему времени концепций этнической истории юга Китая, с которыми в дальнейшем будет вестись полемика. Это концепция Э. Эйкштедта о преобладающей роли тайских народов во всей древней и раннесредневековой истории Южного Китая, гипотеза Р. Хейне-Гельдерна о миграции аустронезийцев из долины Хуанхэ через Сычуань и Юннань в Юго-Восточную Азию и концепция европеоидности ицзу, принадлежащая А. Лезандру. Почти все более поздние труды в современной западной науке так или иначе имеют в своей основе одну из первых двух перечисленных концепций. Затем автор дает обзор обширной литературы на китайском и западных языках по более частным аспектам рассматриваемой проблемы. Введение заканчивается кратким рассмотрением материалов по этнической антропологии Южного Китая, в котором автор полностью солидаризируется с концепциями Н. Н. Чебоксарова¹.

¹ N. N. Cheboksarov, The ethnic anthropology of the Eastern Asia, «XI Pacific Science Congress», М., 1966.

Три основные главы книги посвящены трем последовательным эпохам в истории народов Южного Китая. Первая из них охватывает период от неолита до III в. до н. э. включительно; вторая — III в. до н. э. — VI в. н. э.; третья — VI—XVI вв. Эти главы неравноценны как по своему объему (первая из них в три раза больше последней), так и по характеру исследуемых проблем.

Наибольший интерес представляет, с нашей точки зрения, первая глава. В ней автор ставит и решает чрезвычайно сложную задачу систематизации всего известного в настоящее время археологического материала с территории Южного Китая, относящегося к эпохам неолита и бронзы; обобщает свидетельства китайоязычных письменных источников о населении этой территории; наконец — и это, пожалуй, самая важная и трудная часть исследования — сопоставляя данные того и другого рода, устанавливает генетические связи между культурами отдельных этнических групп.

Практически впервые все опубликованные материалы, имеющие отношение к данной теме, критически проанализированы и представлены и достаточно четко показано соотношение отдельных археологических культур в пространстве и во времени. Это бесспорная заслуга автора.

Вместе с тем, как неоднократно подчеркивает сам автор, многие звенья этой картины носят по необходимости гипотетический характер. За последнее время уже начинают появляться новые данные, позволяющие уточнить или пересмотреть некоторые частные положения, выдвинутые Р. Ф. Итсом.

В этом отношении особое значение имеют опубликованные в 1972 г. две первые серии абсолютных радиоуглеродных датировок некоторых неолитических культур на территории Китая². Эти новые данные позволяют считать, что смена неолитической культуры Цинляньган (район Нанкин-Тайху) более поздней неолитической культурой Лянчжу произошла не где-то в пределах III—II тысячелетий до н. э., как полагает Р. Ф. Итс, а примерно на грани IV и III тысячелетий. Вообще в свете этих данных культура Цинляньган почти синхронна позднему варианту Яншао (тип Мяодигоу) или даже несколько предшествует последней. Этот вывод представляется очень существенным для характеристики культуры Цинляньган, по своему облику резко отличной от Яншао. Требуется уточнения и вывод Р. Ф. Итса о том, что «культура Лянчжу синхронна культуре Луншань, может быть, переживает ее и соответствует концу III — началу II тыс. до н. э.» (стр. 70): стоянка культуры Лянчжу близ Усина (пров. Чжэцзян) датируется сейчас примерно 2800—2700 гг. до н. э.

Хочется высказать еще одно соображение. Р. Ф. Итс считает, что культуру Цицзя, существовавшую в нынешней провинции Ганьсу во II тысячелетии до н. э., можно отождествить с культурой Сыва; создатели этой культуры рассматриваются в качестве предшественников и этнических предков носителей культур Чэнду и Даси в Сычуани (см. схему на стр. 177). Нужно заметить, что культура Цицзя специально в книге не рассматривается. Поэтому ее генетические связи с культурами Сычуани остаются необоснованными.

Весьма интересен и содержателен второй раздел первой главы, посвященный анализу письменных источников. Один из центральных вопросов, поднятых здесь, — это проблема этнической принадлежности древних царств У, Юэ, Чу, Ба и Шу. Можно согласиться с выводом Р. Ф. Итса о том, что обе крайние точки зрения на вопрос об этническом составе населения царства Чу (одна, что Чу — это китайское царство; другая — что на всем протяжении своей семивековой истории Чу было только тибето-бирманским или мяо-тайским) страдают односторонностью и не могут быть приняты.

К сожалению, данная глава содержит отдельные фактические неточности. В частности, неверно, будто в иньских надписях встречаются упоминания о племенах хуа, цао и шу, обитавших в бассейне Янцзы (это утверждение Р. Ф. Итса не подтверждено какими-либо указаниями на источники).

Главу закрывает схема «Этногенетические связи в Южном Китае до II в. до н. э.». Это квинтэссенция данной части исследования, наглядное выражение его основных выводов. Следует сказать, что включение таких схем и поясняющих их карт в заключительную часть каждой главы существенно помогает читателю ориентироваться в многоплановом и довольно сложном для восприятия содержании книги, но не вполне удачна терминология автора, подразделяющего связи между этносами на «несомненные» и «возможные и контактные». На наш взгляд, следовало бы говорить о «непосредственных генетических связях» и «культурных влияниях».

По материалам Р. Ф. Итса, этническая ситуация на юге Восточной Азии в середине I тысячелетия до н. э. была такова: к югу от Янцзы существовали как мон-кхмерский, так и малайско-индонезийский субстраты, восходящие к автохтонному неолитическому населению. В то же время шло непрерывное проникновение с севера носителей китайско-тибетских языков. На карте показаны три важнейших пути такого проникновения: цзянь двигались по долинам Салуэна и Меконга (это, очевидно, предки тибето-бирманских племен Западного Индокитая), шуцзы — по долине Циньшацзяна и Ялуцзяна в район оз. Эрхай и верховья Красной реки, а басцы — в основном по правобережью Янцзы в район оз. Дяньчи. При этом часть басцев, двигавшаяся вниз по Янцзы на восток, вошла в состав населения Чу и стала предками туцзя. Основным же компонентом чусцев были мань, предки народов мяо-яо. Население У и Юэ, т. е. дунъюэ и минъюэ,

² «Каогу» (на кит. яз.), 1972, № 1, 5.

рассматривается как протомалайцы, а население Наньюэ, т. е. боюэ, как тайязычное. С этими выводами, несмотря на отдельные терминологические неточности, в целом, очевидно, можно согласиться.

В последующих главах Р. Ф. Итс подробно разбирает политическую судьбу различных государственных образований народов Южного Китая и этническую ситуацию в них в разные эпохи их существования. Для тайязычного (чжуаньского) населения Гуандуна, Гуанси и юга Гуйчжоу это государство Наньюэ, а позднее государство Хуанов. Достаточно сложен был баланс различных этнических компонентов тибето-бирманского (индуязычного) населения, создавшего государство Наньчао и Дали.

Предположение Эйкштедта о тайской основе последних в свете труда Р. Ф. Итса можно считать окончательно снятым. Проникновение тайских групп в Юньнань происходило значительно позже, в X—XIII вв. На своем последнем этапе оно было в значительной степени связано с наступлением монголов против Дали. Это особенно важно отметить, так как даже в сводке, составленной в 1969 г. М. Пенкала и отражающей современное состояние западной науки по вопросам истории Восточной Азии все еще сохраняется безнадежно устаревшая концепция Эйкштедта о тайской принадлежности населения царств Шу, Ба и более позднего Наньчао³.

Из сказанного ясно, что работа Р. Ф. Итса представляет собой крупную веху в изучении этнической истории Восточной и Юго-Восточной Азии. Тем более следует выразить сожаление, что оформительско-издательская сторона книги не стоит на должной высоте и отсутствие вспомогательного аппарата существенно затрудняет пользование ею. Так, в среднем на страницу приходится по три-четыре сноски, нередко повторные, сокращенные; между тем библиография отсутствует и постраничные сноски никак этого недостатка возместить не могут. В книге постоянно упоминаются различные археологические объекты, в большинстве своем обозначаемые китайскими терминами, не всегда соответственно разъясненными. Поэтому необходимы были иллюстрации хотя бы основных типов инвентаря, а также самый подробный индекс и глоссарий с разъяснением китайских терминов и указанием иероглифического написания. К сожалению, всего этого нет в рецензируемой книге.

С. А. Арутюнов, М. В. Крюков

НАРОДЫ АМЕРИКИ

И. Р. Григулевич. «Мятежная» церковь в Латинской Америке. М., 1972. 408 стр.

Автор рецензируемой книги, доктор исторических наук И. Р. Григулевич — видный советский ученый, шестидесятилетие со дня рождения которого отмечалось в этом году.

Область научных интересов И. Р. Григулевича составляют два больших круга проблем: 1) национально-освободительное движение в Латинской Америке и 2) католическая церковь, папство (их история и политическая роль). Они разрабатываются в 16 вышедших из печати книгах и большом количестве статей. Все эти работы отличаются политической заостренностью, широтой охвата темы, знанием литературы на русском и иностранных языках. Написанные хорошим литературным языком, они читаются с большим интересом.

О национально-освободительном движении в Латинской Америке И. Р. Григулевич рассказывает в своих книгах: «Боливар» (1960), «Панчо Вилья» (1962), «Миранда» (1965), «Хуарес» (1969), «Эрнесто Че Гевара» (1972). Все эти книги вышли в серии «Жизнь замечательных людей».

Достижениям революционной Кубы в области просвещения и культуры посвящено исследование И. Р. Григулевича «Культурная революция на Кубе» (1965).

В своих книгах о католицизме — «Ватикан» (1957), «Кардиналы идут в ад» (1961), «Тень Ватикана над Латинской Америкой» (1961), «Колонизаторы уходят — миссионеры остаются» (1963), «Боги в тропиках» (1968) — И. Р. Григулевич раскрывает политическую роль Ватикана и католической церкви, в частности в Латинской Америке. В книге «История инквизиции» (1970) И. Р. Григулевич показывает преступную деятельность инквизиции в этих же странах. Отметим, что обычно в литературе об инквизиции этот вопрос мало затрагивается.

Проблеме католицизма в Латинской Америке посвящена и рецензируемая книга И. Р. Григулевича. Ее главное достоинство в том, что автор исследует новые явления и тенденции в этой области и особенно проблему оппозиции в церкви, эту оппозицию он называет «мятежной» церковью. «Под этим термином, — пишет автор, — сегодня в

³ M. Penkala, A correlated history of the Far East, Rutland — Tokyo, 1969.